

ОТ РЕДАКЦИИ

БОРЬБА С ТЕРРОРИЗМОМ, САНКЦИИ И ВОЙНА

Хелен Дарем, директор Управления МККК по международному праву и гуманитарной политике

Как и прежде, терроризм в современном мире представляет собой реальную угрозу — и причиняет людям невероятные страдания. Международный Комитет Красного Креста (МККК) безоговорочно осуждает терроризм во всех его проявлениях, кто бы за ним ни стоял, и когда бы ни совершались теракты — во время вооруженного конфликта или в мирное время. Все без исключения формы терроризма противоречат принципу гуманности и в корне подрывают усилия по обеспечению большей безопасности населения всего мира. Государства также осуждают терроризм и относят борьбу с ним — и на национальном, и на международном уровне — к приоритетным задачам.

Хотя большинство государств согласны с тем, что борьба с терроризмом должна быть одной из основных их задач, способы борьбы с этой угрозой по-прежнему вызывают серьезные разногласия. Отчасти из-за такого расхождения во мнениях международное сообщество решает проблему терроризма бессистемно, оперируя комплексом из девятнадцати частично дублирующих друг друга международных договоров, десятков резолюций Совета Безопасности Организации Объединенных Наций (ООН) и бесчисленных национальных законов, направленных на борьбу с этим явлением. В результате образуется сложная смесь правовых и политических норм, которые в совокупности не устанавливают ни четкого общепринятого определения терроризма, ни общих для всех четких стандартов противодействия ему. Между тем риски, которые может нести в себе противодействие терроризму, еще только предстоит серьезно и всесторонне учесть в нормативно-правовой базе.

Общим для многих из этих нормативно-правовых положений является стремление блокировать все возможные пути прямой и косвенной поддержки отдельных лиц, объявленных террористами, а также групп и организаций, признанных террористическими. Борьба с терроризмом принимает различные формы, включая, прежде всего, санкции и усилия, направленные на то, чтобы поставить террористов вне закона и криминализовать их действия. В целом эти меры приводят к усилению контроля и ограничений в отношении деятельности, которая воспринимается как оказание поддержки группам, признанным террористическими, или лицам, объявленным террористами.

Безусловно, такие усилия вполне обоснованы. Пытаясь перекрыть каналы поддержки террористов и террористических организаций, государства стремятся противостоять реальной и актуальной угрозе для себя и своего народа.

Когда противодействие терроризму причиняет вред

Несмотря на свою непреложную теоретическую легитимность, усилия по перекрытию всех источников прямой и косвенной поддержки террористов и террористических организаций быстро — и предсказуемо — породили ряд новых гуманитарных проблем. Пытаясь контролировать и ограничивать действия, воспринимаемые как поддержка террористов, государства и все международное сообщество часто трактуют это понятие слишком широко, порой относя к нему и гуманитарную деятельность, — и подобный подход причиняет реальный вред. Как уже давно подчеркивает МККК, именно в регионах с высоким уровнем террористической опасности гражданское население зачастую наиболее остро нуждается в гуманитарной поддержке. Оказание такой поддержки часто замедляется или даже становится невозможным из-за мер по борьбе с терроризмом, цель которых — не допустить попадания денег, товаров и другой помощи в руки террористов. Особенно это касается тех случаев, когда соответствующие санкции или положения уголовного законодательства не содержат хорошо продуманного исключения для гуманитарной деятельности. В результате гражданское население испытывает страдания, которые можно было бы предотвратить.

С 2011 года МККК работает над тем, чтобы привлечь к этой проблеме внимание государств и всего международного сообщества¹. МККК стал первой гуманитарной организацией, публично заявившей о том, что контртеррористические меры могут негативно повлиять на оказание гуманитарной помощи, причиняя вред как ее предполагаемым получателям, так и гуманитарным работникам. За прошедшее десятилетие МККК неоднократно выражал обеспокоенность тем, что санкции и меры по криминализации соответствующих действий, разработанные и применяемые недостаточно тщательно, способны существенно осложнить оказание гуманитарной помощи, часто в нарушение международного гуманитарного права (МГП).

Вместе с тем МККК настаивает на четких шагах, которые помогут решить эту проблему и восстановить равновесие между усилиями по борьбе с терроризмом и другими международными обязательствами государств. Во-первых, государства должны защищать возможность осуществления нейтральной и беспристрастной гуманитарной деятельности,

1 См., например: ICRC, *International Humanitarian Law and the Challenges of Contemporary Armed Conflicts*, Geneva, 2011, pp. 51–53, доступно по адресу: www.icrc.org/en/doc/assets/files/red-cross-crescent-movement/31st-international-conference/31-int-conference-ihl-challenges-report-11-5-1-2-en.pdf (на англ. яз., ссылка по состоянию на декабрь 2021 г.).

следа за тем, чтобы гуманитарные организации, такие как МККК, сохраняли доступ к населению, нуждающемуся в помощи, и к сторонам в вооруженном конфликте. Во-вторых, в ходе всех вооруженных конфликтов государства должны обеспечить соблюдение и выполнение всех норм МГП, включая те элементы договорного и обычного международного права, которые обеспечивают и регулируют незамедлительный доступ гуманитарных организаций на место событий. И в-третьих, государства и все международное сообщество должны ввести в действие постоянные, хорошо продуманные исключения, которые защищали бы все виды гуманитарной деятельности от ограничений, накладываемых контртеррористическими мерами.

В прошлом году удалось сделать важный шаг в этом направлении. В декабре 2021 года Совет Безопасности ООН единогласно принял резолюцию 2615 с целью обеспечить оказание гуманитарной помощи и ведение другой деятельности для удовлетворения основных потребностей населения Афганистана в связи с произошедшими в 2021 году изменениями в правительственных органах, куда вошли в том числе включенные в санкционные списки члены «Талибана» (организация запрещена в России. — *Прим. пер.*), и с нарастающим экономическим и гуманитарным кризисом в регионе. Учитывая значительные гуманитарные потребности, Совет Безопасности решил, что такая деятельность не станет нарушением предыдущих резолюций, направленных на ограничение контактов и поддержки, среди прочих, отдельных членов «Талибана» и «Сети Хаккани» в рамках введенного резолюцией 1988 режима санкций в отношении Афганистана². Принятие и единогласная поддержка резолюции 2615 стали важным шагом к обеспечению того, чтобы меры по борьбе с терроризмом и санкции не подрывали жизненно важную гуманитарную деятельность и не наносили ей ущерба.

Решение проблемы взаимного наложения

МККК не единственный, кто в течение последнего десятилетия призывал обратить внимание на пересечение контртеррористических мер и гуманитарной деятельности и на взаимосвязь между этими сферами. В обсуждении данного вопроса активно участвуют и другие лица и организации.

Над смежными темами работают два специальных докладчика ООН: Финнула Д. Ни Илан, Специальный докладчик по вопросу о поощрении и защите прав человека и основных свобод в условиях борьбы с терроризмом, и Елена Довгань, Специальный докладчик ООН по вопросу о негативном воздействии односторонних принудительных мер на осуществление прав человека. Оба докладчика приняли участие в подготовке данного номера Журнала, дав содержательные интервью о сфере своих полномочий и своих взглядах на то, как различного рода контртеррористические меры влияют на права человека и гуманитарную деятельность³.

2 Резолюция Совета Безопасности ООН 2615 от 22 декабря 2021 г., п. 1 постановляющей части.

3 См. интервью с Финнулой Д. Ни Илан и Еленой Довгань в этом номере Журнала.

Важную роль в обсуждении этого вопроса играют, конечно же, и представители государственных органов, в том числе дипломаты. Последние годы многие государства предпринимают усилия, чтобы решить проблему влияния контртеррористических мер на гуманитарную деятельность. Лучшим тому доказательством служит тот факт, что о важности защиты гуманитарного доступа все чаще упоминают в правовых нормах и руководящих принципах, разработанных за последние несколько лет: наиболее значимыми из них являются, пожалуй, резолюции Совета Безопасности ООН 2462 и 2482, обе от 2019 года. Именно поэтому составители Журнала побеседовали также с дипломатами и высокопоставленными чиновниками из Европейского союза⁴, Канады⁵ и Российской Федерации⁶, чтобы представить их важнейшую точку зрения на обсуждаемые вопросы и проводимую в этой области работу.

Темы выпуска о борьбе с терроризмом, санкциях и войне

При отборе материалов для этого двойного выпуска по теме «Борьба с терроризмом, санкции и война» и в ходе его составления стало очевидно, что это широкая тема со множеством ответвлений.

Правовые нормы о борьбе с терроризмом и международное гуманитарное право

Долгое время путаницу и оживленные обсуждения вызывал вопрос взаимосвязи между международным правом в сфере борьбы с терроризмом, с одной стороны, и международным гуманитарным правом, с другой. Как соотносятся — и как должны соотноситься — международное право в сфере борьбы с терроризмом и МГП? Совместное применение этих разных отраслей права имеет как преимущества, так и недостатки, которые требуют тщательной оценки и понимания. Безусловно, обе отрасли права служат защите законных интересов, но в то же время каждая из них может иногда иметь негативное воздействие на другую⁷.

Особой областью взаимодействия этих двух отраслей права является классификация ситуаций вооруженного насилия, в которых определенную роль могут играть терроризм и террористические группы. В отсутствие общепринятого стандарта, на основании которого лица признавались бы

4 См. интервью с Янезом Ленаричем, Комиссаром по кризисному управлению Европейской комиссии, и Жилем де Керховом, координатором Европейского союза по борьбе с терроризмом, в этом номере Журнала.

5 См. интервью с Элиссой Голберг, помощником заместителя министра по стратегическому планированию и политике в министерстве международных дел Канады, в этом номере Журнала.

6 См. интервью с Его Превосходительством послом В. Е. Тарабриным, специальным представителем министра иностранных дел Российской Федерации, в этом номере Журнала.

7 Описание реального и оптимального взаимодействия между этими двумя отраслями права см.: *Сол, Бен*. От конфликта к комплементарности: как обеспечить баланс между нормами международного права в области борьбы с терроризмом и международным гуманитарным правом (в этом номере Журнала).

террористами, а группы — террористическими, государства в значительной степени предоставлены сами себе и навешивают ярлыки террористов на собственное усмотрение. Иногда это приводит к эффекту домино: государства начинают считать применение силы теми, кто признан террористами, соответствующим порогу интенсивности насилия, необходимому для существования вооруженного конфликта по смыслу МГП, даже если этот порог, возможно, не был достигнут. Учитывая, что во время вооруженного конфликта государства могут отступать от различных прав человека и пользоваться дополнительными полномочиями, риски, связанные с занижением порога применимости МГП, весьма серьезны⁸.

Поскольку и меры по борьбе с терроризмом, и МГП могут стать основанием для выдвижения уголовного обвинения, еще одна область их пересечения связана с тем, как обвинители осуществляют преследование отдельных лиц или групп, которые, возможно, нарушили нормы обеих этих отраслей права. Если предпочтение отдается преследованию лиц либо за военные преступления, либо за преступления, представляющие собой акты терроризма, и при этом одно исключает другое, это может указывать на актуальные тенденции, определенные интересы или предвзятость в системе правосудия — либо просто отражать то, каким образом написаны сами законы⁹.

Уголовно-правовые аспекты мер по борьбе с терроризмом также вызывают дополнительные опасения, когда эти меры сформулированы настолько широко, что криминализируют в качестве террористической деятельности те действия, которые в иных случаях являются законными с точки зрения МГП. Такая широкая криминализация часто соответствует как девятнадцати договорам по борьбе с терроризмом, так и обширному спектру резолюций Совета Безопасности ООН, число которых выросло за последние двадцать лет и многие из которых не упоминают прямо о соблюдении норм МГП или гуманитарных исключениях¹⁰. Подобное взаимное наложение двух отраслей права вызывает конфликт, который можно устранить с помощью творческих решений, например, включая в законы, криминализирующие террористическую деятельность, явно выраженные исключения для деятельности, которую регулирует МГП¹¹.

- 8 Всесторонний анализ этих рисков и того, как они вытекают из правовых норм и политики в сфере противодействия терроризму, см.: *Гаджולי, Глория и Килибарда, Павле*. Борьба с терроризмом и риск занижения порога применимости международного гуманитарного права при классификации ситуаций насилия (в этом номере Журнала).
- 9 Рассмотрение процесса принятия решения органами прокуратуры в этой сфере см.: *Тинн, Келисана*. Что лучше — быть военным преступником или террористом? Сравнительное исследование законодательных норм о военных преступлениях и преступлениях террористической направленности (в этом номере Журнала).
- 10 См.: *Сарфати, Агата*. Международное гуманитарное право и уголовно-правовые меры борьбы с терроризмом: от Совета Безопасности ООН до национальных судов (в этом номере Журнала). В статье разбираются последствия отказа от включения гуманитарных исключений в эти международно-правовые нормы и руководящие документы.
- 11 Рассмотрение возможности вывести деятельность, регулируемую нормами МГП, за рамки уголовно-правовых норм по борьбе с терроризмом см.: *Ван Пуке, Томас, Вербрюгген, Франк и Иперман, Вард*. Преступления террористической направленности и международное гуманитарное право: оговорка об исключении действий, совершенных в ситуации вооруженного конфликта (в этом номере Журнала).

Еще одна проблема возникает при рассмотрении «групп двойственной природы» — которые одновременно можно считать негосударственными вооруженными группами, участвующими в немеждународном вооруженном конфликте, с одной стороны, и террористическими организациями, с другой. Конечно, очевидно, что к таким группам и их деятельности применимы и МГП, и право в области борьбы с терроризмом, хотя представляется, что последнее иногда вытесняет МГП в качестве превалирующего правового режима при рассмотрении деяний этих групп и судебном преследовании их членов за правонарушения¹².

Меняющиеся концепции терроризма

Хотя на международном уровне, в том числе в ООН, существуют процессы, позволяющие выявить террористов или террористические группы и признать их таковыми, эти процессы в значительной степени зависят от информации, поступающей от государств. В то же время практические последствия того, что на уровне ООН лица признаются террористами, а группы — террористическими, наступают лишь после того, как государства решат, что именно они перенесут в свое национальное законодательство. Таким образом, и на международном, и на национальном уровне при объявлении лиц террористами или групп террористическими безраздельно властвует воля государств. Это порождает многочисленные проблемы.

Одна из проблем связана с таким явлением, как бойцы-иностранцы — террористы (иностранные боевики-террористы). Государствам и международному сообществу в целом никак не удается решить эту проблему. Один из спорных вопросов — возвращение таких лиц: должны ли государства ориентироваться на их наказание или реинтеграцию либо на то, чтобы запретить им въезд в страну?¹³ Еще больше ситуация усложняется, когда государства их происхождения лишают иностранных боевиков-террористов гражданства. В основном подобная процедура лишения гражданства обсуждается с точки зрения международного права прав человека и предоставляемой им защиты, но она может иметь серьезные последствия и в контексте МГП, несмотря на страховку в виде гуманного обращения, которое МГП гарантирует всем людям, независимо от их гражданства¹⁴.

12 Анализ пересечения норм контртеррористического права и МГП, применяемых к группам двойственной природы, см.: *Кёйккенс, Ханна*. Коллизии между нормами МГП и права в области борьбы с терроризмом в связи со статусом бойцов-иностранцев: аргументация в пользу кумулятивного преследования (при наличии такой возможности) (в этом номере Журнала).

13 О том, какие методы обращения с возвращенцами дают наилучшие и самые предпочтительные результаты, см.: *Риготти, Карлотта и Зоминьяни Барбоза, Жулия*. Положение возвращенцев: как Европейский союз и его государства-члены решают проблему возвращения бойцов-иностранцев и их семей (в этом номере Журнала).

14 Анализ лишения иностранных боевиков-террористов гражданства и возможного несоответствия этой меры нормам МГП см.: *Паулюссен, Кристоф*. Лишение бойцов-иностранцев гражданства с точки зрения международного права прав человека и международного гуманитарного права (в этом номере Журнала).

К тому же могут возникать особые риски, связанные с сильной военной окраской ответных мер при противостоянии террористам¹⁵, — другими словами, риски, которые могут воплотиться, когда эскалация насилия со стороны государства превращает террористическую группу в группу двойственной природы. Такие риски могут включать в себя эскалацию насилия по принципу «око за око», которая может привести к подрыву целей безопасности государства вместо их поддержки.

Еще одна проблема связана с мерами по содержанию под стражей и сбору данных, принимаемыми государствами в связи с террористической деятельностью и вооруженными конфликтами. Так называемое «административное содержание под стражей» (подозреваемых) террористов остается весьма спорной практикой, однако некоторые государства встают на ее защиту. Между тем, на будущее, возможно, имеет смысл изучить и другие административные меры, не связанные с содержанием под стражей¹⁶. Что касается сбора данных, то государства все чаще прибегают к сбору и использованию биометрических данных, несмотря на сопряженные с этим риски¹⁷.

Воздействие мер по борьбе с терроризмом на гуманитарную сферу

Как отмечалось выше, один из центральных вопросов при взаимном наложении права в области борьбы с терроризмом и МПП касается влияния контртеррористических мер на гуманитарную деятельность и гуманитарную сферу — и, как следствие, на людей, нуждающихся в защите и помощи. В широком смысле, последние двадцать лет меры по борьбе с терроризмом ставятся выше гуманитарных требований при разработке законов и нормативных положений в этой области, что серьезно подрывает гуманитарные усилия¹⁸.

В частности, меры по борьбе с терроризмом иногда мешают оказанию беспристрастной медицинской помощи больным и раненым во время немеждународных вооруженных конфликтов, особенно когда на негосударственные вооруженные группы навешивается ярлык преступных или

15 Анализ феномена секьюритизации мер по борьбе с терроризмом на Ближнем Востоке и оценку их успешности см.: *Мансур-Илле, Дина*. Политика борьбы с терроризмом на Ближнем Востоке и в Северной Африке: позиция региона (в этом номере Журнала).

16 Рассмотрение практики административного содержания под стражей и перспективных альтернатив см.: *Хилл-Которн, Лоренс*. Содержание под стражей в контексте борьбы с терроризмом и вооруженного конфликта: неизменные подходы и новые проблемы (в этом номере Журнала).

17 Анализ сбора и применения биометрических данных и сопряженных с этим рисков, см.: *Линскоу Якобсен, Катя*. Потоки биометрических данных и непредусмотренные последствия борьбы с терроризмом (в этом номере Журнала).

18 Размышления об этом явлении и о новых способах, которыми международное сообщество может добиться большего уважения к беспристрастной гуманитарной деятельности, см.: *Модирзаде, Наз К. и Льюис, Дастин А.* Гуманитарные ценности в эпоху борьбы с терроризмом (в этом номере Журнала). О том, как применение контртеррористических мер мешает работе организаций гражданского общества, особенно в тех случаях, когда сообщества, которым они помогают, наиболее уязвимы, см. также: *ат-Тарабульси-Маккарти, Ширин*. Чей риск? Практика снижения риска в банковском секторе, политика интерпретаций и политика уязвимости на Ближнем Востоке и в Северной Африке (в этом номере Журнала).

террористических, — будь то посредством криминализации такой помощи, узаконивания нападений на медицинские учреждения или пренебрежения защитой, которую МГП предоставляет больным, раненым и тем, кто ухаживает за ними¹⁹.

Между тем, масштабы и карательный характер контртеррористических мер вызывают среди доноров, гуманитарных организаций и других акторов (банков/финансовых учреждений, поставщиков и т. д.) в этой области, опасаящихся нарушить закон, растущее и вполне понятное стремление избежать рисков²⁰. Однако устранить опасность столкновения гуманитарной деятельности с мерами по борьбе с терроризмом попросту невозможно, отчасти потому, что именно в регионах, где террористическая опасность реальна и широко распространена, население зачастую больше всего нуждается в гуманитарной помощи. Вместо этого, как уже отмечалось, для защиты гуманитарной деятельности и ее исключения из сферы действия мер по борьбе с терроризмом может потребоваться изменение политики²¹.

Одно из явлений, способствующих сужению пространства для гуманитарной деятельности (и связанных с меняющимися представлениями о терроризме), — использование некоторыми акторами географической близости или принадлежности к той же социальной, этнической и религиозной общности для того, чтобы оправдать причисление гражданских лиц к террористическим группам — и их соответствующую стигматизацию. Это, в свою очередь, препятствует беспристрастному оказанию помощи всему пострадавшему населению²².

С точки зрения дальнейших перспектив, имеется множество предложений и подходов, которые позволили бы обратить вспять сужение гуманитарного пространства, вызванное мерами по снижению рисков. Один из таких подходов, уже реализуемый в некоторых регионах, заключается

19 Как контртеррористические меры мешают работе медицинских организаций, и как четкие исключения, принятые в рамках таких мер для защиты тех, кто оказывает медицинскую и гуманитарную помощь, снизят воздействие борьбы с терроризмом на МГП в целом и на оказание медицинской помощи в частности, см.: *Буше-Сольнье, Франсуаза*. Назад в Сольферино: борьба с терроризмом как фактор кардинального ухудшения условий оказания медицинской помощи и ухода за пострадавшими в период вооруженных конфликтов (в этом номере Журнала).

20 Анализ финансовых препятствий, которые санкции создают для тех, кто осуществляет гуманитарную деятельность, см.: *Уокер, Джастина*. Государственная политика по применению санкций: на международном уровне необходимо действовать совместно и скоординированно (в этом номере Журнала). Об одной конкретной мере, в которой выражается стремление доноров избежать рисков, — проверке получателей помощи — и о том, как она вредит гуманитарной деятельности, см. также: *Джиллард, Эмануэла-Квяра, Госвами, Сангита и ван Девентер, Фулко*. Проверка конечных получателей помощи — запретный прием для гуманитарных организаций. Новый повод для опасений при осуществлении деятельности в области развития (в этом номере Журнала).

21 Подробнее о необходимости изменить политику для защиты гуманитарной деятельности, основанной на установленных принципах, с учетом этого растущего стремления избежать рисков см.: *О'Лири, Эмма*. Политика и принципы: влияние контртеррористических мер и санкций на осуществление гуманитарной деятельности в соответствии с установленными принципами (в этом номере Журнала).

22 Анализ этого явления и реальные примеры см.: *Посо Марин, Алехандро и Бен Али, Рабия*. Виновные заодно: ограничение гуманитарной помощи во имя борьбы с терроризмом (в этом номере Журнала).

в содействии диалогу между различными заинтересованными сторонами на национальном уровне. Это предложение позволяет работать с самыми разнообразными действующими силами, имеющими отношение к контртеррористическим мерам и их влиянию на гуманитарную деятельность, включая регуляторные органы, дипломатов, гражданское общество, банки и частных лиц²³.

Дискуссии о мерах противодействия терроризму в сфере права и политики

МЖКК уже давно участвует в непростых дискуссиях в сфере права и политики, касающихся МГП, основанной на установленных принципах гуманитарной деятельности и мер по борьбе с терроризмом. Каким образом МГП применяется к контртеррористическим мерам и операциям? В каких случаях МГП и право в области борьбы с терроризмом могут применяться одновременно, как наилучшим образом обеспечить выполнение задач и соблюдение принципов МГП, не ставя под угрозу цели борьбы с терроризмом? Как наиболее эффективно защитить гуманитарную деятельность, которая ведется в соответствии с МГП, при принятии мер по борьбе с терроризмом?²⁴

По мере того как государства, организации и международное сообщество в целом пытаются решать эти сложные вопросы, в дискуссиях по вопросам права и политики происходят сдвиги. Одним из таких сдвигов стали упоминания о МГП и гуманитарной деятельности, появившиеся в недавних резолюциях Совета Безопасности ООН. Принятые в 2019 году резолюции 2462 и 2482, в частности, могут послужить государствам и всему международному сообществу отправной точкой для разработки постоянных и всеобъемлющих исключений, которые выведут гуманитарную деятельность из сферы применения контртеррористических мер²⁵.

Тем не менее, одних подобных сдвигов может оказаться недостаточно. Даже если в дальнейшем формулировки правовых норм и руководящих положений будут лучше содействовать защите гуманитарного пространства, ограничительные меры, которые уже действуют на международном и национальном уровнях, закрывают значительную часть этого пространства. В связи с этим крайне важным шагом на будущее может

23 Анализ действенности диалога различных заинтересованных сторон в решении подобных проблем см.: *ван Брукховен, Лия и Говсами, Сангита*. Поможет ли диалог заинтересованных сторон снять проблему ограничения доступа некоммерческих организаций к финансовым услугам в условиях применения стандартов борьбы с финансированием терроризма и санкций на международном уровне? (В этом номере Журнала.)

24 Всесторонний анализ этих и других вопросов см.: *Ферраро, Тристан*. Международное гуманитарное право, гуманитарная деятельность, основанная на установленных принципах, борьба с терроризмом и санкции: заключение по ряду вопросов (в этом номере Журнала).

25 Подробнее о том, как недавние резолюции Совета Безопасности ООН могут помочь введению гуманитарных исключений в рамках мер по борьбе с терроризмом, см.: *Вайцман, Натали*. Соблюдение международного гуманитарного права и гарантии для ведения гуманитарной деятельности в рамках контртеррористических мер: резолюции 2462 и 2482 Совета Безопасности ООН как возможный ориентир (в этом номере Журнала).

оказаться рассмотрению возможности существенно реформировать имеющиеся механизмы борьбы с терроризмом, чтобы обеспечить более эффективную защиту гуманитарной деятельности²⁶. Аналогичным образом, поскольку санкции вводятся во многих сценариях вооруженных конфликтов, которые не связаны напрямую с терроризмом и не влекут за собой применение контртеррористических правовых норм, важность оценки совместимости режимов санкций с МГП выходит за пределы ситуаций борьбы с терроризмом²⁷.

Взгляд в будущее

Учитывая актуальность этой темы и интенсивность текущих дебатов, МККК с гордостью представляет двойной выпуск Журнала под названием «Борьба с терроризмом, санкции и война». Приглашая присылать статьи и отбирая их для этого выпуска, редколлегия Журнала просила авторов по возможности смотреть вперед: сначала диагностировать проблему, стоящую сегодня перед нами, а затем предложить рекомендации относительно того, что международное сообщество может и должно сделать дальше. Мы искренне надеемся, что предложения и рекомендации, изложенные в этом выпуске, найдут отклик у ученых, политиков, дипломатов и гуманитарных работников и поспособствуют именно таким дискуссиям, которые помогут преодолеть сложности, с которыми мы, мировое сообщество, сталкиваемся, когда пытаемся бороться с терроризмом, признавая потребности государств в области обеспечения безопасности, и одновременно защищать и поощрять гуманитарную деятельность.

Реальность такова, что контртеррористические меры, включая санкции, в ближайшем будущем вряд ли исчезнут из инструментария международной политики и законодательства. Но, как искусно продемонстрировали авторы статей, вошедших в этот номер Журнала, противоречия между такими мерами и насущной потребностью в жизненно необходимой гуманитарной помощи по всему миру сейчас слишком велики, чтобы ими можно было пренебречь. Мы должны найти и сохранить баланс между двумя этими важнейшими задачами — и мы надеемся, что данный выпуск окажется полезным, приблизив нас к этому балансу.

26 Комплекс всесторонних рекомендаций по совершенствованию существующих и будущих мер в сфере противодействия терроризму см.: *Экерт, Сью Э.* Борьба с терроризмом, санкции и затруднение доступа к финансовым услугам: корректировка курса для защиты гуманитарной деятельности (в этом номере Журнала).

27 Анализ важности прояснения взаимосвязи между положениями о санкциях и МГП см.: *Онис, Косуэ.* Международное гуманитарное право и обязательства по замораживанию активов в рамках санкций Организации Объединенных Наций (в этом номере Журнала). Подробнее о санкциях, связанных с конфликтом, и их воздействии на гуманитарное пространство и МГП см. также: *Брубейкер, Ребекка и Юве, Софи.* Режимы санкций ООН в связи с конфликтами и гуманитарная деятельность: обзор стратегических исследований (в этом номере Журнала).